

Филиал НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»
в Смоленской области



Сочинение на тему:

“Война в судьбе моей семьи”

Выполнила студентка учебной группы №111
Обухова Анна Алексеевна

**Люди! Покуда сердца стучатся, —
помните!
Какой ценой завоёвано счастье,
— пожалуйста, помните!**

Р.Рождественский

Однажды, я помогала маме убирать квартиру. Протирая книги на полках, увидела маленькую серую книжечку. Она называлась «Они победили смерть». Эта книга об узниках женского концлагеря Равенсбрюк.

Мама рассказала мне, что в этом лагере были две мои прабабушки -Мария Георгиевна и Екатерина Георгиевна. Равенсбрюк по-русски - Вороний мост. В книге есть картина - листовка, которую тайно распространяли в лагере: на перилах моста сидит огромный чёрный ворон в фуражке эсэсовца, а под мостом - потоки человеческой крови. Сыпной тиф и туберкулёз, каторжный режим и побои, пытки и опыты над узницами - вот каким был Равенсбрюк.

Равенсбрюк располагался на северо-востоке Германии, в 90 км от Берлина. Лагерь существовал с мая 1939г. до конца апреля 1945г. Число зарегистрированных заключённых 4 более 130 тыс. чел. По разным оценкам, в Равенсбрюке скончались и были казнены от 50 до 92 тыс. женщин.

Мама дала мне прочитать вырезку из районной газеты «Сельские зори» Барятинского района Калужской области, где были напечатаны воспоминания бабушки Кати.

... Я, Соколова (урождённая Полойникова) Екатерина Георгиевна, родилась С. Милятино в 1925 г. 20 декабря. Перед войной это село было Восточного района Смоленской области.

В1941 г. закончила 8 классов Милятинской средней школы. 4 октября 1941 г. село заняли немецкие войска]. В феврале 1943 г. наше село сожгли, а многие жители.в том числе и наша семья, попали в лагерь в посёлке Александровский хутор. Из этого лагеря мы были отправлены насильственным путём в Германию. Отправляли нас из города Спас - Деменска, в то время Смоленской области.

Везли нас через Ельню, Смоленск, Борисов, Белосток в товарных вагонах. В Германии нас привезли в один распределительный лагерь. Оттуда группу в несколько десятков человек привезли в город Оберхаузен. Затем с вокзала, построив по три человека, привезли в уже существующий лагерь, который назывался «Gemeinschaftslager am Stadion». Сколько времени мы пробыли там я теперь уже не могу сказать. Комендант лагеря был пожилой немец, но плохого мы от него не видели. В одну из ночей его забрала какая-то машина, а на его место прибыл другой комендант. Вот с этого всё и началось.

Однажды нас, четырёх девушек, меня, Зину Фатееву, Нину Лиморову и Сою Бесонову (две последние девочки были из города Могилёва) вызвали к коменданту. Вины мы за собой не видели, да сам комендант нам вины не предъявил, но зато он хорошо нас избил и отправил в жандармерию, а оттуда на третий день мы были отправлены в штрафной лагерь. Из этого лагеря нас погрузили в угольные вагоны и куда-то повезли. Привезли, выгрузились мы из товарных, грязных вагонов, и повели нас. Привели к высокой серой каменной стене, перед нами были высокие железные ворота. Ворота открылись и нас ввели на ужасную территорию. Там ходили женщины в полосатой одежде, стриженные «под машинку» и ужасно худые. Я долго не могла понять, куда я попала. Позже я узнала, что это и был концлагерь «Равенсбрюк». Затем по ступенькам ввели в здание, отобрали все ниши пожитки и препроводили в душевую. Мы ждали тёплой воды (хотелось смыть угольную пыль), но на нас полилась чисто ледяная вода. Мы отпрянули. Не помню теперь, как мы вымылись. После такого мытья мне выдали белую тряпочку с №75324 и красный треугольник (тоже тряпочку), называли его «винкель» (перевод не

знаю). Затем нас развели по баракам. Нары были в три этажа. Мы четверо и две сестры - чешки заняли второй этаж. Уже на следующее утро нас подняли в пять часов утра на «Генеральапель» (перевод не знаю), это было какое-то построение, где мы должны выстоять два часа, то есть до семи часов, и такое построение было каждое утро. Иногда отбирали больных и слабых и уводили куда-то. Только потом я узнала, что их сжигали в газовых камерах.

Теперь я не могу назвать даты всего происходившего. Но в один день нас, большую группу женщин, повели на медпроверку, и опять куда-то повезли и опять в грязных угольных вагонах. Привезли в лагерь, огороженный проволокой и предупредили, что лагерь защищен электричеством. Как я потом узнала, этот лагерь находился около города Новмарк (может быть Ноймарк). Первые дни мы были без еды, некоторые копали червей, некоторым удавалось поймать мышей. Мы с Зиной Фатеевой (после замужества, Кучеровой) варили в коробочке траву, но она не вваривалась. Дрова были опилки из матрацев и разбитые нары. Первой едой была горячая еда с растворённым в ней хлебом. Здесь, в этом лагере, были не только русские, были француженки, полячки, итальянки и даже немки. Дали нам ботинки на «деревянном ходу». Мне досталась холщёвая белорусская рубашка и батистовое расклешенное платье. Здесь нас водили на работу по асфальтированной дороге, приводили в лесок и там мы что-то строили. Строили конечно, немцы, а мы подносили песок, цемент, словом, делали то, что нам говорили. Обед из брюквы нам привозили на место работы. Здесь мне пришлось пробыть до февраля 1945 г.

В один вечер наши охранники ушли из своего жилья с чемоданчиками, а ворота оставили открытыми. И мы очень обрадовались. Ворота открыли и оказались на свободе. Первым делом стали искать еду. Я нашла полбулки, гнилого хлеба, а Зина Фатеева баночку шпрот. Сколько камней и каменщиков нам пришлось использовать для открытия этой баночки? Чуть открыли, а потом ковыряли пальцами, палочками. Всё это мы не съели, а проглотили, но не наелись, а ещё больше захотели есть. Сидим с ней плачем, к нам подошёл поляк и спросил: «Щ плачете?» Мы не могли ему ничего сказать. Он пригласил нас к себе. К нам присоединились девочки из города Могилёва, три полячки и ещё две девочки. Он привёл нас к себе в барак, но без проволоки. Там было 4-5 поляков. Накормили нас «до отвала» и предложили нам остаться у них. А рано утром они нас разбудили и сказали, что они нам больше помочь не смогут. Им тоже надо уходить. Но сказали, что по близости есть город и посоветовали бежать туда, указав дорогу. Мы и побежали в город. Это было раннее утро, в городе мы встретили двух человек. Это был мужчина со знаком «P» на груди и девушка со знаком «OST». Мы попросили девушку приютить нас. Она привела нас к себе в маленькую комнатку, сказав, что она работает у хозяина. Сам хозяин эвакуировался, оставив на неё дом и двенадцать коров. Вот где мы отпились молока, чем расстроили себе желудки. Через день в город прийти русские войны. Среди своих освободителей я могу назвать старшего лейтенанта родом из Черниговской области Бобер Алексея Васильевича. В одном из писем он прислал вырезку из газеты, что всех, кто остался в нашем лагере, охранники пришли и увели в тот лее, где мы работал, и там всех расстреляли. Так, с помощью А.В. Бобер, я узнала о судьбе тех, с кем находилась в концлагере...

До самой старости бабушка понимала разговорный немецкий язык. Бабушка Маруся никогда о своём пребывании в концлагере никому не рассказывала. Я думаю, что для неё это было слишком больно. Мы её и не спрашивали. Книгу «Они победили смерть» от бабушки Кати мы прятали, потому что, когда она её читала, всё время плакала.

Всего на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тыс. концлагерей. За годы второй мировой войны через лагеря смерти прошли 18 млн. чел., из них более 5 млн. чел. - граждане Советского Союза!